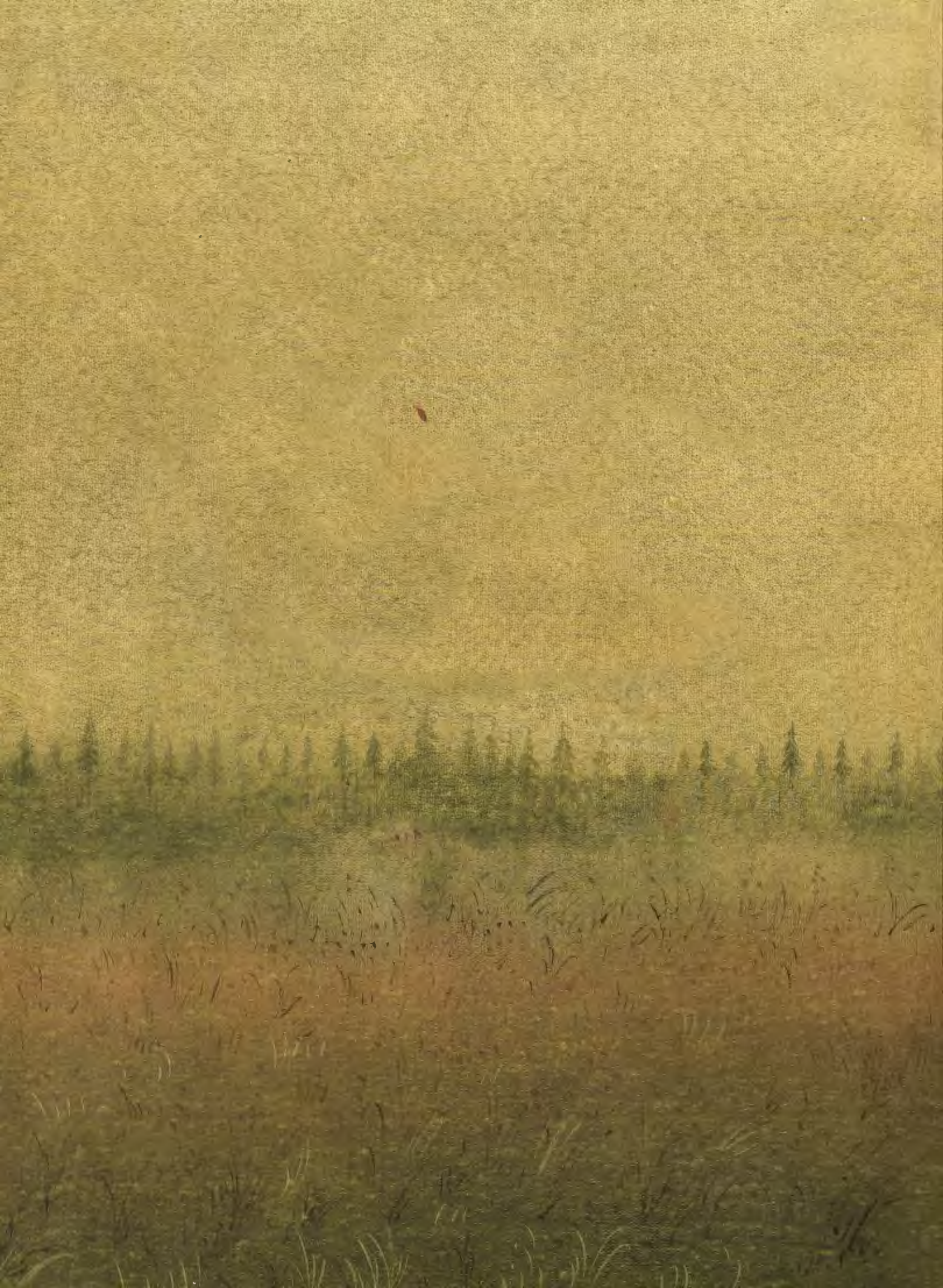

Дверь на муку

Рисован Николай Попов

Серая «Образ Речя»

Дверь на лугу

Золотая-перьящая сказка
Пересказанная Лев Кузьман

Рисована Николай Попов

Издательство «Речь»
Санкт-Петербург — Москва
2016

Сестричка и братец

Жили-были сестричка и братец. Жилось им худо. Родители у них умерли, а на дворе зима, стужа, да тут ещё и все припасы стали подходить к концу. И хлеб у них в доме последний, и крупа для похлёбки последняя, едва-едва до весны дотянули.

Весною взяли они пустое лукошко и выбежали из дома на задворки, на тёплую проталинку. Думают: «Щавеля насобираем или пестиков...»

А на задворках росла, шумела под ветром большая сосна.

Подбегают братец да сестричка к ней и видят: вьётся по сосновому стволу гороховый стебель. Стебель как стебель, сочный, зелёный, с усиками-завиточками, но очень уж толст и высок. Макушка его в самом верху сосны спряталась, а яркие листья на нём — шире лукошка.

Тут сестричка братцу и говорит:

— На этом стебле и стручки, наверное, куда как велики... Слазаем, нарвём?

— Нарвём! — ответил братец. — Такая находка нам в самый раз.

И братец посадил на сосну сестричку, сестричка подхватила братца, и они полезли вверх.

Час лезут, второй лезут, а гороховый стебель уходит всё выше да выше. А сосновые ветки становятся всё гуще да гуще, а по веткам скачут белки, где-то рядом синицы насвистывают, дятлы стучат, и всё вокруг как в настоящем лесу. Только земли тут под ногами нет, она далеко внизу осталась.

Вдруг видят сестричка с братцем: стоит на сосне в зелёной тишине избушка-развалюшка. Покрыта избушка вместо соломы сухой шелухой от гороховых стручков, а за распахнутой дверью что-то погремливает.

Заглянули сестричка с братцем за дверь, а там Баба-яга сидит, мёленкой-жёрновом¹ горох мелет.

От старости Баба-яга клюкою согнулась, ничего уже толком не видит, но дело у неё идёт бойко. Меленка крутится, рокочет: гыр-гыр, гыр-гыр; мука из меленки сыплется в ларец: шур-шур, шур-шур, и что самое главное — подбросит Баба-яга в меленку гороху горсть, а высыпается из меленки муки целых три пригоршни².

— Смотри, — говорит братец сестричке шёпотом, — какое у Бабы-яги богатство... Давай-ка и мы себе этой муки в лукошко зачерпнём, в ларце не убудет, а нам — спасение. Киселя дома сварим.

— Давай, — отвечает сестричка.

И вот они вошли на цыпочках в избушку, и как только Баба-яга меленку крутить начнёт, как только зашумит, загремит жёрновом, они лукошко в ларец опустят да муки-то и зачерпнут. Баба-яга зашумит, а они опять зачерпнут.

Не может их Баба-яга разглядеть сослепу да в полутёмной избушке, но по ларцу рукой нет-нет да и пошарит.

Пошарит и тут же удивится:

— Что такое?! Мелю-мелю, а муки и убывать не убывает, но и прибыли нету... Неужто под жёрновом задерживается?

Поднимет жёрнов, продует, прочистит, и вот опять крутится меленка, и опять сыплется мука, а братец с сестричкой подставляют лукошко.

Почти полное уже набралось у них лукошко, да вдруг Баба-яга меленку остановила совсем, прислушалась, повела туда-сюда носом и говорит:

— Не-е-ет, что-то тут не так... Кажется, кто-то тут живой в избушке есть. Надо проверить... А ну, слуга мой верный, кот Воркот, спрыгни с печки!

¹ Жёрнов — мельничный каменный круг для размола зерна.

² Пригоршня — ладонь, сложенная горстью.

И с печки спрыгивает кот — чёрный-пречёрный, одни лишь глазищи зелёные. Спрыгивает, потягивается, на сестричку с братцем уставился.

Вздروгнули сестричка и братец: «Пропали мы теперь! Беда».

Но кот их и трогать даже не стал. Поднялся на задние лапки, ударил передними, как в ладоши, да и пустился в пляс.

Пляшет и песенку поёт:

Во горохе, в огороде
Кукарекают стручки!
Кто сейчас не засмеётся,
Тот и выйдет в дурачки!

Братец, глядя на диво такое, и впрямь чуть не засмеялся, да тут посмотрел на сестричку. А та ему рукой машет, пальчиком грозит: «Не смейся, мол! Нельзя... Как засмеёшься, так в дурачках-то и окажешься. Услышит Баба-яга, захлопнет дверь, и нам отсюда не убежать».

Братец сестрички послушался, и они тихо-тихо подняли лукошко и вышли осторожно из избушки за порог. А там — с ветки на ветку, с одного сучка на другой — быстрёхонько и на землю спустились.

Примчались в родной дом, сразу киселя наварили, гороховых лепёшек напекли и стали жить да радоваться.

Но радовались недолго: через неделю мука вся кончилась. Глянула сестричка в пустое лукошко и говорит:

— Делать нечего, опять надо подниматься к Бабе-яге. Только ты, братец, не смейся там... Пропадём!

— Ну что ты, не засмеюсь, — ответил братец.

И вот они снова добрались до вершины сосны, до избушки-развалюшки.

Стоит избушка на прежнем месте, и дверь в ней открыта, и меленка за дверью по-прежнему погремливает, только в том и разница теперь, что из трубы над избушкой дым валит.

— Стряпать, наверное, собралась Баба-яга... Давай, пока меленка шуметь не перестала, муки быстро наберём и убежим! — сказали

сестричка с братцем и потихоньку в избушку вошли, подставили лукошко под меленку.

И вот опять в меленке жёрнов рокошет: гыр-гыр, гыр-гыр; мука из меленки сыплется в лукошко: шур-шур, шур-шур, а Баба-яга по ларцу рукой шарит и сердится:

— Мелю-мелю, а муки не прибывает... Эй, кот Воркот! Слезай с печки!

Но сестричка с братцем кота уже и не боятся, знают: он сейчас плясать пойдёт, смешить станет. «Пусть, — думают, — смешит, мы всё равно не рассмеёмся».

А кот, и верно, опять пляшет, опять хвостом и лапами так и этак выделывает, да только песенок-то уж больше не поёт. А подходит он этак бочком, бочком к самым ногам братца, и проводит по его коленкам пушистым ухом, и головою об коленки трётся; и стало братцу очень щекотно, и он засмеялся.

А как засмеялся, так Баба-яга в ладоши ударила, закричала громким голосом:

— Избушка, повернись! Дверь, захлопнись!

И дверь захлопнулась, и Баба-яга руки растопырила, по избушке туда-сюда забегала, стала сестричку с братиком ловить.

Ловила, ловила, не поймала, опять крикнула:

— Сделайся, избушка, о трёх углах, четвёртый спрячь!

Пропал в избушке четвёртый угол, осталось три, и тут Баба-яга братца за рубашонку и схватила.

Схватила, к печке потащила.

— Вот, — говорит, — соколик, и отбегался! Не удалось тебе меня, старуху, обхитрить. Садись на лопату, полезай в печку! Там ты прокоптишься, дымом продымишься и станешь чёрным воронёнком... У меня чёрный кот есть, а воронёнка нету. Мне, Бабе-яге, ещё и воронёнка в слуги надо.

Заплакал братец, а сестричка не стерпела, сама к Бабе-яге кинулась:

— Не сажай моего братца в печку, не делай его чёрным воронёнком! Он у меня совсем ещё маленький и служить тебе не сможет. Бери лучше меня, я побольше.

— Ой, так ли? — говорит Баба-яга. — А ну, встань рядышком с братцем, я вас померяю.

И встала сестричка рядом с братцем, и даже на пальчиках поднялась, чтобы повыше показаться.

Баба-яга ладошкой по их головам провела, говорит:

— Верно! Сестричка повзрослее... Ну что ж, сама насыла́лась¹, сама на лопату и садись. Полежай в печку. Будешь у меня служить чёрным воронёнком.

Села сестричка на лопату, а ногами, руками в шесток² упёрлась, и никак её Баба-яга в печку запихнуть не может.

Пихала, пихала, даже упарилась.

— Что-то, — говорит, — ты не так там делаешь. Не ладом³, должно быть, уселась.

— Я ладом пока не умею, — отвечает сестричка. — Я в слуги твои только ещё готовлюсь, ты меня поучи.

— И поучу, — говорит Баба-яга, — и поучу... Вот смотри, как добрые-то слуги сами на лопату садятся.

И тут она села на лопату сама, вся в крючок согнулась, а сестричка с братцем не будь плохи: к лопате — скок, лопату — на шесток да прямо в печное нутро Бабу-ягу и сунули.

Опахну́ло⁴ старую каргу огнём и дымом, и стала она вмиг сама заколдованной птицей. Только не вóроном и не воронёнком, а серой вороной.

«Кар-р!» — закричала ворона заполо́шно⁵, взмахнула крыльями да и — поминай как звали! — вылетела вместе с дымом в печную трубу.

А сестричка с братцем обрадовались, крепко обнялись, а когда оглянулись вокруг, то нет уже рядом ни печки, ни тёмной избушки. Стоят они прямо под ясным солнышком, под зелёной сосной у себя дома на задворках.

¹ Насылаться — здесь: предлагать.

² Шесток — площадка между устьем и топкой русской печи.

³ Не ладом — здесь: не как следует.

⁴ Опахнуть — здесь: опалить.

⁵ Заполошно — здесь: пронзительно, громко, отчаянно.

Лукошко с мукою тоже тут. И меленка, полная гороха, тут. И чёрный кот Воркот ходит вокруг мelenки, мурлычет:

— Возьмите и меня к себе вместе с мelenкой. Я служить вам буду вернее, чем Бабе-яге, и песенки стану петь ещё веселее.

И взяли братец да сестричка кота и мelenку к себе в дом, и стали жить хорошо и весело. Кот ходит перед ними по строганым половичкам, кувyrкается по широким лавочкам, песенки поёт, а они похлопывают ему в ладоши и смеются безо всякой опаски.

А мelenка погremливает: гыр-гыр, а гороховая мука сыплется из мelenки: шур-шур; и не кончалась эта мука до той поры, пока сестричка и братец не выросли. А как выросли, то и сами устроили свою жизнь ещё лучше.

Медвежья нянюшка

Собрались три сестрёнки — старшая, средняя да младшая — по землянику. А родители их отговаривают:

— Поздно уже. Вечер скоро. Заблудитесь в лесу.

— Мы в лес не пойдём, мы походим за деревней по перелесочкам¹, — ответили сестрёнки да и убежали.

Примчались к первому перелеску, а земляники там нет.

Кинулись во второй перелесок, обшарили всю опушку, но земляники и там нет.

И так они уходили от дома всё дальше и дальше, а когда солнышко стало садиться, то оглянулись вокруг и чуть не охнули.

Не видно рядом ни знакомых полей, ни лугов, вокруг тёмный бор шумит, и никто из них теперь не помнит, какой дорогой сюда зашли, никто не знает, какой дорогой выйти.

— Туда надо... — показывает старшая сестрёнка.

— Нет, туда... — спорит средняя.

А младшенькая тоже тянет в свою сторону, да никто её, младшенькую-то, совсем и не слушает; пошли туда, куда старшая сказала.

Шли-шли, а бор всё глуше, а бор всё темнее, и вот наконец вышли к лесному низенькому домишке. Домишко невысок, да крепок: сразу видать, в нём справный² хозяин живёт.

¹ Перелесок — небольшой лес, отделённый полянами от других лесных участков.

² Справный — состоятельный, зажиточный.

Тук! — стукнула робко в оконную раму младшая сестрёнка.

— Выгляни, кто там есть, в окошко. Покажи нам домой дорожку. Мы тебе в пояс поклонимся.

Да никто в доме не шевельнулся, никто из окошка не выглянул.

Тук-тук! — тогда постучала чуточку посмелее средняя сестрёнка.

— Выгляни, кто там есть, в окошко. Покажи нам домой дорожку. Мы тебе в ноги поклонимся.

И опять никто в доме не шевельнулся, никто оттуда не выглянул.

Тук-тук-тук! — тогда застучала старшая сестра и сказала совсем смело:

— Эй! Кто тут есть? Отзовись! Выгляни в окошко, покажи нам дорожку, мы тебе поклонимся до самой земли.

И окошко звякнуло и распахнулось, и оттуда выглянула встрёпанная спросонья медвежья голова.

— Кто меня, медведицу, беспокоит? Кто стучит? Хозяина дома нету. Хозяин мой — Михаил Иванович — на дальний промысел ушёл, а я без него дверь никому не открываю... Подите прочь!

Но тут она продрала сонные глаза лапищей и вмиг переменилась.

— Ой, — говорит ласковым голосом, — это вот кто стучит в окошко, это вот кто... Три девочки, три сестрички, три алых ягодки! Входите, дорогие гостеньки, входите... Заночуете у меня, а поутру и дорожку разыщем.

— Нельзя нам до утра ждать, — говорят девочки. — Нас тятка с мамкой искать будут. Расстроятся, заплачут.

— Не заплачут, — уговаривает медведица, — не заплачут! Что им на ночь-то плакать? Незачем. Ночью спать надо... У меня вон медвежонок Минька маленький, а и то ночью никогда не ревёт. Спит себе в зыбке¹, лапу посасывает, и все дела. Заходите, заходите... Утро вечера мудреней! Я вас утром-то и домой провожу, и лесной похлёбкой угощу. Довольнёхоньки будете.

Вот так вот и пришлось девочкам ночевать у медведицы, а спать она их положила на еловые зелёные постельки, а под головы по моховой кочке подсунула.

¹ Зыбка — люлька.

Младшая сестрёнка уснула сразу и крепко. Очень она, пока плутали, умаялась. А средняя да старшая всё на еловых ветках ворочаются, всё им с непривычки колко да неудобно. А кроме того, за тятю с мамкой душа у них болит: «Поди, там дома целый переполох. Поди, искать нас будут...»

Так они всю ночь и продремали вполглаза, а когда в окошках чуть забрезжило, то слышат и видят: медведица печь затапливает, начинает похлёбку варить.

Высыпала на стол, на голые доски, полон короб грибов и давай их делить на две кучи. В одну кучу — белые, крепкие боровики, в другую — всякий хлам: желтушки, зеленушки да мухоморы.

Потом хорошие грибы положила в горшок простой, чёрный; мусорные — в горшок расписной, муравленый¹. Сунула оба горшка в печь и кричит:

— Вставайте, девушки! Вставайте, милые! Сейчас похлёбка сварится, будем завтракать.

И вот как за стол все, кроме Миньки, уселись, медведица горячие горшки из печи выхватила, на столешницу друг за другом их брякнула и говорит:

— В этом горшке, что попроще, похлёбка для меня, для хозяйки. А вот в этом горшке, что покрасивее, — для дорогих гостей. Ешьте вволю, на всю на обратную дорогу наедайтесь!

Младшая сестрёнка схватила ложку и давай хлебать, и давай хлебать.

А средняя да старшая тоже взяли ложки, но не едят, а только вид подают. Черпнут из горшка, ко рту поднесут, подержат да потихоньку на пол и выльют, черпнут и выльют.

И младшую незаметно под локоток толкают: «Не ешь, мол, сестрёнка, не ешь...» Да только ничего младшенькая не поняла — нахлебалась.

И тут сразу медведица встаёт, громким голосом приказывает:

— Сделано одно дельце, сделаем и другое! Выходите все трое на крыльцо.

¹ Муравленный — покрытый зелёной глазурью.

Сестрёнки вышли на крыльцо, и медведица тоже вышла; и перебежала она просторную поляну перед домом, и обхватила там толстую высокую ель, и покачнула её разок, и покачнула другой да так вдоль всей поляны эту ель на землю и хрястнула. Только гул по всему бору прокатился!

— Вот, — говорит медведица, — и новое дело. Самое главное! Кто перепрыгнет эту ель, тот и домой пойдёт. А кто не перепрыгнет, тот у меня в няньках останется. Миньку в зыбке будет качать... Прыгайте, прыгайте! Нечего стоять да дрожать.

А сестрёнки и в самом деле задрожали, потому что испугались. Потому что поняли: нехорошая эта медведица, хитрая. Но делать нечего — стали прыгать.

Разбежалась старшая сестрёнка, прыгнула, перелетела поваленную ёлку высоко-превысоко да и помчалась куда глаза глядят, лишь бы подальше от медведицы.

Разбежалась средняя сестрёнка, тоже прыгнула, тоже перелетела ёлку так, что даже и лапотками её не задела, и помчалась догонять старшую сестру.

А медведица удивилась:

— Как так?! Не должны были перепрыгнуть! На то и похлёбка была в муравленом горшке... Ну, если и младшая перескочит, я её всё равно не упущу. Без няньки не останусь, нет!

Но младшенькая разбежалась, а перепрыгнуть ёлку не смогла. Нет у неё после обманной похлёбки сил, нет и смелости. И завела её медведица обратно в свой дом, и строго велит:

— О родных теперь позабудь, качай теперь зыбку с моим Минькой. А я по грибы пошла...

И вот качает младшая сестрёнка зыбку с медвежонком, плачет горько-прегорько и тонким голосом поёт:

Ах, зачем меня сёстры одну оставили?
Почто малолеточку в неволе бросили?
Кто из лесу теперь меня выведет?
Кто из нянек медвежьих вызволит?

Пробежал мимо зайчик Короткий Хвост, услышал грустную песенку, сам чуть от жалости не заплакал и стукнул в окошко:

— Садись, девочка, на меня. Я тебя вызволю.

Девочка бросила качать зыбку, выбежала за дверь, села верхом на зайчика, и они поскакали. Да только поскакали, а хитрая медведица тут как тут. Схватила зайчика поперёк живота, подняла, отшлёпала:

— Вот тебе, незванный помощничек! В другой раз поймаю, хуже будет.

И посадила девочку опять к зыбке, а сама опять в лес пошла.

И снова девочка сидит, зыбку качает, тоненьким голосом поёт:

Ах, зачем меня сёстры одну оставили?
Почто малолеточку в неволе бросили?
Кто теперь меня к маменьке выведет?
Кто из нянек медвежьих вызволит?

Бежал на ту пору волк Серое Ухо, услышал печальную песенку, сам закручинился, постучал в окошко:

— Садись, девочка, на меня. Я отвезу тебя к твоей маменьке.

Но только девочка села на волка, а медведица опять тут как тут. Подскочила, ударила волка лапой:

— Прочь, незванный помощник! Не сманивай куда не надо нашу нянюшку! В другой раз поймаю, хуже будет.

И вот сидит девочка у зыбки опять одна, опять поёт:

Кто меня из лесу к маменьке выведет?
Кто из тяжкой неволи вызволит?

Услыхал песенку старый лось Большие Рога — Длинные Ноги. Ударил в окошко:

— Садись, девочка, на меня скорее! Да не забудь захватить в сених три берёзовых веника.

Бросила девочка зыбку качать, сняла с жерди в сених три берёзовых веника, выбежала на крыльцо, встала на перила, перелезла

с них на лося, и ударил старый лось копытами о землю, полетел стрелой.

Выскочила медведица наперехват, да поздно! Лось — не заяц, не волк, у него смекалки побольше.

Как станет медведица беглецов настигать, так лось говорит девочке:

— Бросай веник! Бросай дальше, чтобы он перелетел через медведицу и упал на дорогу!

И летит веник на дорогу, и кидается медведица назад. Сгоряча думает: «Это девочка с лося упала!» — а там — веник. И пока медведица от злости треплет его, дерёт, девочка с лосем уже полверсты проскакали...

Так они от погони и ушли. Да не только ушли, а возле самой деревни и старших сестрёнок догнали. Вот как быстро старый-то лось летел! Вот какие у него были длинные и сильные ноги!

А медведица тоже чуть не до самой деревни добежала. Но увидела высокие крыши, услышала петушиный крик да собачий лай и остановилась.

Остановилась, почесала загривок, подумала-подумала да и пошла потихоньку обратно.

Пошла зыбку со своим Минькой сама качать.

Данный день

Жил да был богатый мужик по имени Понтей. Богатый и очень жадный.

Уродилась у него в поле рожь высока да колосиста, и тут бы только радоваться надо, а Понтей горюет:

— Опять у меня расходы! Чтобы такой урожай убрать, надо помощников со всей деревни созывать. А раз помощники придут, то их напоить, накормить надо. Они день отработают, а ты их уже корми! Они другой день отработают, а ты их опять угощай, корми. И на третий день корми, и на четвёртый... Чистое разорение! Нет, хорошо бы тут что-то придумать. Хорошо бы как-то так сделать, чтобы помощники у меня в поле наработали побольше, а я бы на их угощение хлеба, соли да кваса истратил поменьше...

И вот он ходит у своей избы под окошками, руки за спину заложил, голову опустил: думает.

А рядом с ним жил один шустрый мужичок. Он давно про скопидомство Понтеево знал, и очень оно ему надоело. И вот как увидел этот мужичок Понтея на лужайке, так сразу подходит к нему и этак вежливо-превежливо говорит:

— Здравóво, дядя Понтей! О чём задумался? Ежели горе какое, поделись. Я ведь тебе сосед: вдруг да что и присоветую, вдруг да и выручу.

— Есть горе, есть... — вздыхает Понтей. — И горе есть, и посоветоваться надо бы... Да только за хороший-то совет, поди, денежку с меня стрясёшь?

— Ну что ты! Я бесплатно.

И тогда Понтей обрадовался и рассказал соседу-мужичку про свою заботу:

— Как бы сделать так, чтобы помощники у меня в поле наработали побольше, а я бы на их угощение истратился поменьше?

Мужичок и дослушивать не стал: вмиг всё сообразил.

— Знаю, — говорит, — что тут надо делать, знаю. И тебя, дядя Понтей, научу.

— Научи, милушко, научи! — так и засиял Понтей, а мужичок ему объясняет:

— День надо растянуть... День надо вытянуть так, чтобы вдвое длиннее стал. Вот у тебя помощники-то в два раза больше и нарабotaют, а съедят во столько же раз меньше.

— Да как его растянешь? Чем?

— Ухватом¹, дядя Понтей, ухватом. Тем самым, которым твоя хозяйка горшки в печи переставляет... Возьми завтра утречком ухват, залезай на сосну в поле, да как солнышко подыматься начнёт, ты в него ухватом и упрись посильнее. Оно подымается, а ты его придержидай... Оно подымается, а ты его всё равно придержидай! Вот так вот день и растянется. Понял ли?

— Понял! — совсем возликовал Понтей. — Да только не обманываешь?

— Ни в жизнь! Я сам этак делаю. Правда, не летом, осенью. Когда со старухой картошку в огороде копаем. Осеннее-то солнышко куда как быстро садится; вот я его на полчаса, на часик нет-нет да ухватом над нашим огородцем и придержу... Шибко хорошо выходит! Но осенью это делать, конечно, легче. Осенью солнышко ходит невысоко, и я его придерживаю коротеньким ухватом, а вот тебе по нынешней, по летней, поре ухват придётся насаживать на длинный шест. Есть ли у тебя такой?

— Е-е-есть! — совсем уж воспрял² Понтей и кинулся по деревне стучаться в окошки, в калитки, скликать на завтрашний день Помощников.

¹ Ухват — длинная палка с металлической рогаткой на конце, которой захватывают и ставят в русскую печь горшки и чугуны.

² Воспрять — от «воспрянуть»: преодолеть уныние.

А рано утром, когда ещё и петухи не кукарекали и заря не занималась, забрал Понтей у бабы на кухне самый крепкий ухват, вытянул из ограды, из прясла¹, самую длинную, самую толстую жердь, прикрутил к ней ухват верёвкой и помчался в поле.

Прибежал к сосне, влез почти на самую макушку, глядит — не идут ли жнецы-помощники.

И вот жнецы пришли, и новый день над полем занялся, и тогда Понтей выставил над сосною ухват как можно дальше, прицелился в красное солнышко, — прицелился да и держит, и держит его изо всех сил, чтобы оно не так быстро поднялось.

Работники жнут серпами рожь, снопы вяжут, широкие суслоны² ставят, а Понтей пуще их всех старается. Толстую-то, длинную жердь с ухватом на конце, да сидя на зыбких сучках, попробуй-ка удержи! Надорвёшься...

Солнышко ещё только-только сумело над лесной опушкой приподняться, а у Понтея уже и рученьки болят, и спина занемела. Но зато он теперь так и чувствует, так и видит: время пошло намного медленнее! Настолько медленнее, что, можно сказать, остановилось совсем.

— Ишь ты... Получается! — бормочет Понтей. — Да как бы мне не перестараться. Похоже, я день-то не вдвое уже растянул, а раз в пять! Как бы мои работнички не догадались. А догадаются — по домам разбегутся... Нет, надо и самому отдохнуть, и мужикам да бабам дать передышку. Надо разок-другой и хлебом да квасом их угостить.

И тут он сполз с сосны, отпыхнулся³, сел на землю и говорит:

— Ну, робятушки! Поработали мы хорошо, давай-ка пообедаем.

Жнецы, конечно, очень удивились. Удивились, переглянулись. Ведь на самом-то деле и часу не прошло, как рожь убирать начали, а хозяин уже обедать зовёт. Но если зовёт, отказываться не стали: сели, пообедали.

¹ Прясло — часть изгороди от столба до столба.

² Суслон — несколько снопов, поставленных в поле для просушки стоймя, колосьями вверх, и покрытых сверху снопом.

³ Отпыхнуться — отдышаться.

Пообедали, отдохнули, да только за серпы опять взялись, только снопы вязать да суслоны ставить наладились, а Понтей уже вновь со своей сосны слазит.

Слазит, опять отпыхивается, опять рукавом пот утирает:

— Ну и работёнка наша крестьянская! Ну и упарились мы, робятушки! Ну и дел наворочали! Давайте-ка пополдничаем...

Так весь день у жнецов и прошёл в обедах, полдниках, ужинах да паужинах¹, и ничего они толком почти и не сделали на поле, но Понтей был всё равно очень рад.

Идёт под самый вечер домой, жердь с ухватом за собой волочит, едва-едва ноги переставляет, а в бородищу всё ж таки ухмыляется:

— Это ж надо же сколько я сегодня хлеба да квасу сберёг! Даже и не посчитать... Работники-то думают, всего лишь один день прошёл, думают, это я их за один рабочий день так здорово наугощал, а я их, глупых, накормил за целую неделю! Ай да я! Ай да мой шустрый соседущко! Завтра утром опять полезу на сосну.

¹ Паужин — приём пищи между обедом и ужином.

Дверь на лугу

Жили в одной деревеньке девочка с матерью. Не было у них ни коровы, ни овечки, ни петушка, ни курочки на дворе, а жили девочка с матерью тем, что пряжу пряли да на базаре продавали.

И вот однажды направили они пряжи большой моток, и мать говорит:

— Сбегай, доченька, на речку, пряжу как следует вымой да выполощи. Я сама не могу, что-то мне нездоровится...

Взяла девочка пряжу, побежала на речку. Встала там на белый камушек и давай пряжу мыть, полоскать.

Полоскала, полоскала, да моток-то из рук выпустила, и он утонул.

Заплакала девочка, уткнулась в коленки:

— Ой, что теперь делать-то? С чем теперь на базар пойду, как для больной мамушки молочка куплю? Я ведь ей молочка купить хотела.

Плачет девочка и вдруг слышит — за спиной на берегу как будто бы кто-то говорит:

— Не плачь, девочка... Не плачь, маленькая... Оглянись!

Девочка оглянулась и видит: стоит у самой речки на лугу дверь. Стоит она среди зелёной травы, среди ромашек, и вся она сосновая, строганая, а петли — серебряные.

Дверь на замок не заперта, на ветру поскрипывает:

— Глянь, девочка, за порог!

И девочка глянула за порог и увидела там тропинку.

Тропинка узенькая, не шибко натопанная, но по траве под солнышком въётся весело, так и манит вдаль побежать.

Дверь тоже скрипит, подсказывает:

— Беги, беги! Там найдёшь свою пропажу.

Послушалась девочка, переступила порог, побежала.

Бежит, а сама всё вокруг поглядывает: «Где мой моток? Ничего я пока не вижу, одни лишь цветы на лугу, шмели да бабочки».

Вдруг смотрит девочка, а навстречу ей хохлатая курочка бредёт. Тихонько так бредёт, едва переступает лапками.

— Здравствуй, хохлатка! — говорит девочка. — Ты мою пряжу не видела?

— Нет, — отвечает курочка, — не видела. Не до того мне. Очень есть хочу. Зёрнышка у тебя в кармане, в переднике, не найдётся?

— Зёрнышка нет, а вот хлеба краюшка лежит. Я её с собой на речку брала. Хватит, если отщипну кусочек?

— Как не хватит! Конечно, хватит! — обрадовалась курочка, и девочка отщипнула ей кусочек и побежала дальше.

Бежит, бежит, а навстречу петушок.

Спрашивает девочка:

— Петушок, петушок, алый гребешок! Не попадался ли тебе на тропинке моток пряжи?

— Нет, не попадался. А если и попадался, так я не заметил. Очень есть хочу! Нет ли у тебя в кармане зёрнышка?

— Зёрнышка нет, а вот хлебцем угостить можно. Хватит, если отщипну от моей краюшки кусочек?

— Хватит! — обрадовался петушок. Девочка угостила петушка и опять побежала дальше.

Бежит, торопится, а навстречу овечка. Шерсть у овечки на лбу колечком, а глаза грустные.

— Здравствуй, баренька¹! — говорит ей девочка. — Ты не видела на тропинке моток пряжи?

¹ Баренька — от «баря, баряка» — в некоторых диалектах: овца, барашек; этих животных иногда подзывают: «баря-баря-баря».

— Нет, не видела. Мне теперь не до того. Иду, бреду, а откуда-то хлебцем пахнет... Не из твоего ли кармашка? Я хлебца отведать хочу.

— Отведай, — говорит девочка. — На тебе половину моей краюшки. Да только хватит ли?

— Хватит! — обрадовалась овечка, и девочка угостила овечку и помчалась дальше.

Бежит, а навстречу ей бурая корова идёт. Идёт, на весь луг шумно вздыхает.

— Бурёнушка, бурёнушка! Умница, красавица! Моток пряжи не видела?

— Нет, не видела. А вот ржаной хлебец ещё издали чую... Не угостишь ли?

— Угощу! Получай остаток моей краюшки. Только он очень маленький... Хватит ли?

— Хватит! — обрадовалась бурёнушка, и девочка, отдав остаток краюшки, побежала дальше.

Бежит, а навстречу никого больше нет, лишь роща на краю луга зеленеет. И стоит там белая берёза, листьями печально шумит.

— Берёзонька, берёзонька! — говорит ей девочка. — Сразу я вижу, нет под тобою моей пропажи. Да только сама ты о чём грустишь?

Отвечает берёза:

— Пролетал озорник вихрь, надломал мою веточку. Подвяжи платочком, а то повянет.

Тут девочка и сама вздохнула:

— Один у меня платочек, мамушкой дарёный... Да раз такая беда — подвяжу.

И она подвязала платочком веточку, хотела бежать дальше, а берёза и шепчет:

— Далеко теперь не бегай, загляни в рощу. В роще — избушка, в избушке — старушка. Вот эту старушку о своей пропаже и спроси...

Оглянулась девочка, а невдалеке, и верно, избушку видать. Стоит она под берёзками среди огородца, в огородце банька, рядом с банькой родник журчит.

Стукнула девочка в дверь избушки, оттуда старенькая-престаренькая старушка выглянула:

— Что тебе, милая, надобно?

— Здравствуй, бабушка... Не знаешь ли, где мой моток пряжи? Такой вот большой...

— Знаю, как не знать! Знаю, да скажу не сразу... А сначала истопи ты вот эту баньку. Да как затапливать начнёшь, лучину¹ ломать примешься, так смотри, чтобы она ломалась без треску, дрова чтобы горели без копоти, а воды в котёл наносишь решетом.

Побежала девочка баньку топить, и всё у неё сначала пошло как надо.

Лучинок нащепала² тоненько-претоненько, и, когда их ломала, они не трещали. Дров из поленницы набрала самых лучших, сухих, и когда они загорелись, то горели без копоти. Только вот воды решетом наносить никак не может: вся она обратно в родник сквозь дырки проливается.

Совсем было расстроилась девочка, да тут подвязанная платочком берёза ей шепчет:

— Нарви моих листьев да глиной смажь...

Нарвала девочка берёзовых листьев, смазала их глиной, заклеила дно в решете и воды в баньку натаскала мигом.

А потом и пол подмела, и пару поддала, и стучится опять в избушку:

— Готово, бабушка!

— Вот, милая, и славно, вот и славно... Да только это ещё не всё. Теперь ты моих внучаток-ребятток попарь. Мне с ними самой никак не управиться.

Заглянула девочка в избушку, а ребятток там у бабушки полным-полнёхонько! И все они мал мала меньше, все голопузенькие, чумазенькие и все очень шустрые.

Как завидели девочку, так давай по избушке бегать да кричать:

— А мы париться не желаем! Мы — непривыкшие!

¹ Лучина — тонкая щепка сухого дерева.

² Щепать — откалывать от дерева, древесины щепки или лучины.

Но девочка сама шустрая была. Говорит:

— Я вас и спрашивать не буду!

Одного под мышку подхватила, второго к себе на закрóшки¹ посадила, третьему, четвёртому подшлёпнула² — они сами, своим ходом помчались в баньку. А там она их всех уложила на полóк³ в один тесный рядок, жару-пару ещё подбавила да и давай веничком охаживать!

Шлёпает мокрый веник по горячим спинкам: плюх да плюх, а ребяташки только отпыхиваются: «Ух да ух!» Были они чумазенькими, стали чистенькими, розовыми. Сами девочке кричат:

— Ох, тётенька, как хорошо! Ещё поддай пару!

Напарила их девочка всех дорумяна, представила бабушке:

— Получай своих внучаток! Всё ли теперь я сделала?

— Теперь всё, — говорит старушка. — Теперь прими от меня вот этот пестерёк⁴ с крышечкой и ступай домой. Крышечку в пути не открывай, всё, что под ней, дома увидишь. Под крышечкой и моток найдёшь.

Приняла девочка подарок, поклонилась низёхонько старушке и ребяташкам, побежала домой.

Поравнялась с белою берёзой, та шелестит:

— Погоди, я тебе должок отдам.

И уронила на плечи девочке новенький шёлковый полушалок⁵.

Догнала девочка на тропинке бурую корову, а та говорит:

— Погоди, и я с тобой пойду. К тебе во двор жить пойду и к твоей мамушке.

Догнали девочка с коровой овечку, а та говорит:

— И я с вами!

Догнали девочка, корова, овечка курицу с петухом, а те тоже просят:

— Берите и нас в компанию!

¹ Закрошки — то же, что закорки — место на спине, на котором человек таскает кого-либо.

² Подшлёпнуть — слегка стукнуть.

³ Полок — высокий помост в бане, на котором парятся.

⁴ Пестерёк — от «пестерь»: плетёная из лыка корзина, короб.

⁵ Полушалок — небольшая шаль.

И вот они все впятером подходят к тому месту, где раньше на зелёном лугу сосновая дверь стояла, а двери той уже и в помине нет.

Зато девочка деревенька рядом, и сама мамушка навстречу торопится, бежит:

— Где хоть ты, милая дочка, у меня потерялась-то?

— Разве я потерялась? — смеётся девочка. — Смотри, я с кем домой пришла: с коровушкой, с овечкой, с курочкой да с петушком... Они теперь наши! А то, что в самом деле терялось, то тоже нашлось. Глянь-ка!

И девочка открыла пестерёк, а там моток пряжи лежит. Только теперь вся пряжа не простая, а золотая. Так в берёзовом пестерьке вся и светится!

Содержание

Сестрарка и братья 7

Медвежья нянюшка 12

Дуановъ генб 24

Дверъ на учу 30

УДК388.21
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
Д23

Дверь на лугу : коми-пермяцкие сказки / пересказал Лев Кузьмин ; рисовал Николай Попов. — Санкт-Петербург, Москва : Речь, 2016. — 44 с., ил. — (Образ Речи).

ISBN 978-5-9268-2197-7

Стоит на лугу дверь — вся сосновая, строганая, прямо посреди зелёной травы. А за ней... Если распахнуть эту дверь — просто раскрыть книгу, — начинаются чудеса. Прямо на сосне стоит избушка Бабы-яги, жадный мужик ухватом солнце придерживает, а заблудившаяся девочка верхом на лосе от медведицы убегает — не хочет для медвежонка нянькой быть. И для художника Николая Попова этот «мир за дверью» не столько этнографический (проиллюстрированы коми-пермяцкие сказки) или повествовательный, сколько живописный: со своим пространством и временем, светом и тенью, со своим особенным колоритом — сдержанно-приглушённым, как будто зыбким — поистине волшебным.

© Л. И. Кузьмин, наследники, пересказ, 2016
© Н. Е. Попов, иллюстрации, 2016
© ООО «Издательство «Речь», 2016

Для детей младшего школьного возраста

Руководитель проекта Г. Пырьева
Ответственный редактор О. Василяди
Художественный редактор В. Беляева
Корректор Е. Серебrenикова
Вёрстка, обработка иллюстраций М. Дёминой
Руководители издательства: Л. Янковский, И. Костромитин

Подписано в печать 16.05.2016
Формат 60х90/8
Гарнитура Leksa
Усл. печ. л. 6,5
Тираж 5000 экз.
Заказ № 111486

По вопросам оптовых закупок обращаться
по телефону: (812) 323-90-63
или по электронной почте:
rech@inbox.ru

ООО «Издательство «Речь»
199178, Санкт-Петербург, а/я 96
Тел.: (812) 323-90-63
Телефон московского представительства:
(495) 621-55-97
rech@rech-deti.ru
www.rech-deti.ru

Отпечатано в типографии
SIA «PNB Print», Латвия
www.pnbprint.eu

ISBN 978-5-9268-2197-7

9 785926 182197

6+